

Ей было тяжело, но перед ним она всегда улыбалась, передавая ему все свои знания. Но она была женщиной, да ещё и куртизанкой, хоть и лучше других, но этого было недостаточно.

Она знала, что тот мужчина был главой могущественного клана, и его сын не мог быть посредственным. Она всеми силами старалась найти способы практики, чтобы в будущем он смог удовлетворить отца.

Но она так и не дождалась его.

А он пошёл к отцу, но его добрый отец просто выбросил его.

Даже имя ему дали с иероглифом «свет».

Какая ирония.

К счастью, он встретил его.

Лань Сичэнь, невероятно мягкого человека.

Он погрузился в его мягкость, не в силах выбраться.

Но в то же время он боялся, был осторожен, не мог поверить. Он был чистым, как луна, а он — погрязшим в грязи.

Но когда он увидел его, стоящего на коленях перед могилой матери, он больше не мог сдерживать свои чувства, наклонился и поцеловал его.

Во сне, после матери, появились он и Лань Сичэнь, всё, что происходило с момента их знакомства. Эти воспоминания он хотел сохранить в своём сердце, чтобы никогда не забыть.

В покоях Лань Сичэня Цзинь Гуанъяо медленно открыл глаза.

Свет ударил в глаза, и он, слегка поморщившись, через некоторое время привык. Оглядевшись, он замер.

Это был Ахуань.

Он сидел у кровати, верхняя часть тела опиралась на край кровати, под глазами были тёмные круги, лицо было бледным, и обычно аккуратно уложенные волосы были слегка растрёпаны, несколько прядей свисали. На губах появилась лёгкая щетина, он склонил голову на спинку кровати и, казалось, спал.

Но его брови были нахмурены, и он, видимо, спал беспокойно.

Цзинь Гуанъяо не хотел, чтобы его брови были нахмурены.

Подняв руку, чтобы разгладить морщину на его лбу, он обнаружил, что его рука крепко сжата в руке Лань Сичэня, словно защищена.

Цзинь Гуанъяо тихо засмеялся. «Как хорошо.»

Но Лань Сичэнь спал очень чутко, и малейшее движение разбудило его.

Он резко открыл глаза и, увидев, что Цзинь Гуанъяо проснулся, на мгновение замер, а затем в глазах вспыхнула радость. Он резко наклонился и крепко обнял лежащего на кровати Цзинь Гуанъяо.

— Как хорошо, Аяо... Ты наконец проснулся... Как хорошо...

Цзинь Гуанъяо почувствовал, что его обнимают так крепко, что трудно дышать.

Но тело Лань Сичэня явно дрожало, словно он был в ужасе, и Цзинь Гуанъяо позволил ему обнимать себя, мягко похлопывая по спине.

Через некоторое время он почувствовал, что его плечо стало влажным.

Ахуань... плачет? Цзинь Гуанъяо замер.

Лань Сичэнь наконец пришёл в себя и, поняв, что, возможно, обнимает слишком крепко, неохотно отпустил его, но не сел прямо, а остановился на расстоянии менее двух кулаков от Цзинь Гуанъяо.

Руки опирались по обе стороны от него, а глаза глубоко смотрели на него, полные страсти.

Постепенно щёки Цзинь Гуанъяо покраснели, и он, не выдержав, отвернулся.

— Ахуань, ты что...

Лань Сичэнь мягко взял его за подбородок и повернул обратно, взгляд остановился на полуоткрытых губах.

— Аяо, можно... я поцелую тебя?

В голове Цзинь Гуанъяо мгновенно всплыла сцена в пещере, и его слегка покрасневшие щёки мгновенно залились румянцем. Он смущённо посмотрел на него.

— Ахуань!

Вдруг в ушах раздался тихий смешок.

Лань Сичэнь часто улыбался, но эта улыбка была другой.

Она была искренней и лёгкой.

Цзинь Гуанъяо замер.

Лань Сичэнь почувствовал облегчение, все мрачные мысли последних дней рассеялись, и он воспользовался моментом, наклонившись и прижавшись губами к губам Цзинь Гуанъяо.

На этот раз всё было иначе.

Он целовал его мягко, с осторожностью и сдержанностью.

Цзинь Гуанъяо сначала слегка испугался, вспомнив прошлый раз, когда Лань Сичэнь был слишком страстным. Но через некоторое время он начал погружаться в этот поцелуй.

Как и его сердце, погружавшееся в его мягкость.

Лань Сичэнь помнил, что Ая только что проснулся и ещё не полностью поправился, поэтому сдерживал свои порывы. Поцелуй длился недолго, и Лань Сичэнь неохотно отстранился, тяжело дыша и глядя на Цзинь Гуанъяо.

Его Ая становился всё красивее, и он не мог оторвать от него взгляд.

Не удержавшись, он снова поцеловал его в лоб, тихо сказав:

— Аяо, я люблю тебя.

Цзинь Гуанъяо замер, слабо улыбнувшись.

— Ахуань, я тоже.

Лань Сичэнь тихо засмеялся, затем опустил голову на шею Цзинь Гуанъяо, и его смех, полный радости и лёгкости, затронул струны его сердца.

Горячее дыхание заставило щёки Цзинь Гуанъяо покраснеть, и он слегка кашлянул.

— Ахуань, что ты делаешь??

Лань Сичэнь, улыбаясь, сел прямо и, опустив глаза, сказал:

— Потому что... я не могу без тебя, Аяо. Ты знаешь, как ты меня напугал? Больше никогда не отпускай мою руку, понял?

Его Аяо пролежал в коме семь дней, семь дней! Лань Сичэнь даже не знал, как он это пережил.

Цзинь Гуанъяо смотрел на этого мужчину с удивлением и смущением. Когда он научился так говорить? Это Вэй Усянь его научил?

Говоря о Вэй Усяне, интересно, как он поживает.

— Старший господин, Цинхэн-цзюнь ищет вас.

Вдруг за дверью раздался голос ученика семьи Лань. Лань Сичэнь ответил:

— Хорошо.

Затем обернулся, неохотно глядя на Цзинь Гуанъяо, и с ноткой обиды в голосе сказал:

— Аяо, мне нужно идти.

Цзинь Гуанъяо никогда не видел его таким по-детски, и это его рассмешило. Он поддразнил:

— Ахуань, если твой дядя увидит тебя таким, он, наверное, ударит тебя линейкой.

Говоря о линейке, Цзинь Гуанъяо вдруг вспомнил, что, кажется, у него ещё сто ударов линейкой в запасе. Ах да, и тысяча правил семьи.

Лань Сичэнь, похоже, тоже вспомнил об этом, мягко похлопал его по руке и утешил:

— Аяо, не волнуйся, я поговорю с отцом и дядей, чтобы тебя освободили от наказания.

— Но это... — неправильно, правда?

— Не беспокойся, — сказал Лань Сичэнь.

Он был уверен, что отец согласится.

— Ладно, Ахуань, спасибо тебе.

— Аяо, между нами не должно быть таких слов. Ты отдыхай, я скоро вернусь.

— Мм.

Цзинь Гуанъяо кивнул и, увидев, как Лань Сичэнь встаёт, чтобы уйти, быстро сказал:

— Подожди, Ахуань.

Лань Сичэнь остановился, обернувшись с вопросом:

— Что такое?

Цзинь Гуанъяо слегка улынулся:

— Ахуань, ты собираешься выйти в таком виде?

Лань Сичэнь понял и вспомнил, что последние несколько дней он провёл, заботясь о Цзинь Гуанъяо, и сейчас выглядел довольно неряшливо. Он слегка кашлянул, смущённо сказав:

— Аяо, извини, что ты это видел.

Цзинь Гуанъяо поднял бровь:

— Между нами нет места извинениям.

После того как Лань Сичэнь ушёл, Цзинь Гуанъяо, обняв одеяло, одной рукой коснулся своих губ, щёки покраснели, и он снова и снова вспоминал всё, что произошло.

Улыбка на его губах никак не исчезала.

Сколько времени прошло, неизвестно, но вдруг дверь открылась.

Ахуань вернулся?

Цзинь Гуанъяо радостно взглянул, но дверь была лишь приоткрыта, и в щель протиснулась белая фигура.

Это был не Ахуань!

Цзинь Гуанъяо напрягся, готовясь к обороне, но, когда человек повернулся, и он увидел его лицо, он удивился:

— Усянь???

И, к тому же, Вэй Усянь выглядел... подавленным? Нет, расстроенным? Обиженным? В общем, его лицо было не в порядке.

Вэй Усянь с унылым видом подошёл к кровати и сразу же рухнул на пол перед ней, заставив Цзинь Гуанъяо сесть, чтобы поддержать его, но Вэй Усянь схватил его руку и с грустью сказал:

— Старшая невестка, как говорится, старшая невестка как мать, ты ведь не оставишь меня в беде?

Цзинь Гуанъяо не знал, смеяться ему или плакать.

— Усянь, о чём ты говоришь?

— Неважно, ты должна мне помочь!

— Хорошо, хорошо, скажи, чем я могу тебе помочь.

Ему было интересно, что же могло поставить в тупик этого гения.

Вэй Усянь глубоко вздохнул, держа руку Цзинь Гуанъяо, и с грустью сказал:

— Я болен, очень болен!

Цзинь Гуанъяо не понял. Если он болен, зачем ему идти к нему?

— Тогда тебе нужно найти целителя, я не умею лечить.

<http://bllate.org/book/15281/1349037>